

В.В. Есипов

**Святотатство в истории
Русского законодательства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Есипов**
Святотатство в истории Русского законодательства / В.В. Есипов – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 47 с.

ISBN 978-5-517-96135-8

ISBN 978-5-517-96135-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СВЯТОТАТСТВО

въ которіи

РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

В. В. Есипова.

ОТДѢЛЪ I.

Церковные Уставы Великихъ Князей.

Святотатство въ системѣ русскаго права принадлежитъ къ разряду преступленій, понятія которыхъ развились подъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній, воспринятыхъ русскими славянами вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Славянское язычество обладало весьма небогатыми данными для существованія этого преступленія. Религія славянъ состояла въ обожаніи силъ природы, но этотъ культъ не достигъ большаго развитія. Правда, у русскихъ славянъ были идолы (кумиры) ¹⁾, жертвен-

¹⁾ Уже изъ договоровъ съ Греками видно существованіе на Руси идоловъ: „Призва Игорь слы и приде на холмъ, вде стояше Перунъ“. (Лѣтопись по Лаврентіевскому списку, изд. Археографической комиссіи, С.-Пб., 1872, стр. 52 и 53). Множество идоловъ было поставлено Великимъ Княземъ Владиміромъ: „И нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога и Стрибога, и Симарьгла и Мокошь“. (Лѣтопись по Лавр. сп., стр. 77).

нии (требища) ¹⁾, можетъ быть даже и жрецы (кудесники? волхвы?) ²⁾, но у нихъ не было храмовъ, въ смыслѣ особыхъ зданій, посвященныхъ богослуженію. Противнаго мнѣнія Карамзинъ. „О капищахъ славянъ российскихъ, замѣчаетъ онъ, не имѣемъ никакого свѣдѣнія: Несторъ говоритъ только объ идолахъ и жертвенникахъ ³⁾; но удобность приносить жертвы во всякое время и почтеніе къ святынь кумировъ требовали защиты и крова, особенно же въ странахъ сѣверныхъ, гдѣ холодъ и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нѣтъ сомнѣнія, что на холмѣ Кіевскомъ и на берегу Волхова, гдѣ стоялъ Перунъ, были храмы, конечно не огромные и великолѣпные, но сообразные съ простотою тогдашнихъ нравовъ и съ малымъ свѣдѣніемъ людей въ искусствѣ зодческомъ“. Не смотря на всю основательность такого предположенія, оно все-таки является только предположеніемъ. Славяне русскіе обращались

¹⁾ Въ лѣтописяхъ читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: „Въ лѣто 6500 приде епископъ Иоакимъ и требища разори и перуны посѣче“. (Россійская лѣтопись по списку Софійскому Великаго Новаграда, часть I, С.-Пб., 1795, стр. 81). „Въ лѣто 6500 приде въ Новгородъ епископъ Іакимъ и повелѣ требища испроврещи и коумира Перуна посѣче“. (Супрасльская рукопись, Москва, 1836, Новг. лѣт., стр. 10).

²⁾ Карамзинъ вполне допускаетъ существованіе жрецовъ у русскихъ славянъ: „Несторъ не упоминаетъ о жрецахъ въ Россіи; но всякая народная вѣра предполагаетъ обряды, коихъ совершеніе поручается нѣкоторымъ избраннымъ людямъ, уважаемымъ за ихъ добродѣтель и мудрость, дѣйствительную или мнимую“. (Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, С.-Пб., 1833, т. I, стр. 97 и слѣд.). Волхвы и кудесники у славянъ имѣли почти тоже значеніе, что и жрецы у другихъ народовъ. Еще Олегъ „выпрашалъ волхвовъ и кудесникъ“, отъ чего онъ умереть, и принялъ въ соображеніе предсказаніе „любимца боговъ“. (Лѣтопись по Лавр. сп., стр. 37, 38).

³⁾ Только въ Патерикѣ Кіевскомъ, въ житіи Исаи Чудотворца, сказано, что сей Угодникъ разорялъ капища въ Ростовской области. (Карамзинъ, т. I, стр. 97 и прим. 220).

Кстати замѣтимъ, что даже слово „капище“, въ лѣтописяхъ не всегда означаетъ языческой храмъ. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописяхъ читаемъ: „Взяже ида (Володимерь) мѣдяне двѣ капищи и 4 кони мѣдяны“. Въ спискѣ Никоновскомъ упоминаются не двѣ капищи, а „два мѣдяна болвана“. (Русская лѣтопись по Никонову списку, ч. I,

къ богамъ своимъ въ рощахъ, на рѣкахъ, озерахъ, холмахъ и горахъ ¹⁾; куда и отправлялись главы семей, старѣйшины общинъ и князья племень, и здѣсь приносили жертвы ²⁾. Перунъ и Волось, Дажьбогъ и Стрибогъ не имѣли особыхъ храмовъ. Славяне молились силамъ природы среди природы ³⁾. При такомъ первобытномъ порядкѣ святотатство могло имѣть лишь весьма ограниченное значеніе. Совсѣмъ иное видимъ мы у другихъ нехристіанскихъ народовъ древнѣйшаго времени. У нихъ имѣлись особыя, часто весьма пышныя, храмы, и похищеніе чего-либо, находившагося въ храмѣ или просто посвященнаго богамъ считалось однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ преступленій и влекло самыя суровыя наказанія ⁴⁾.

С.-Пб., 1767, стр. 92. Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку Михаила Лаврентія, изд. Тимковскаго, Москва, 1824, стр. 81. Сводная лѣтопись, составленная по всѣмъ изданнымъ спискамъ Лейбовичемъ, вып. I, С.-Пб., 1876, стр. 81).

¹⁾ „Призва Игорь слы и приде на холмъ, кде стояше Перунъ“. (Лѣтопись по Лавр. сп., стр. 52, 53). „И постави Володимерь кумиры на холму виѣ двора теремнаго“. (Лѣтопись по Лавр. сп., стр. 77). „И пришедъ Добрыня Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ“. (Лѣтопись по Лавр. сп., стр. 78).

²⁾ „Въ лѣто 6489 иде Володимерь на Ятвеги и взя землю ихъ, и приде къ Киеву и творяще требы коумиромъ“. (Супр. рук., Новг. лѣтопись, стр. 8). „Въ лѣто 6491. Иде Володимерь на Ятвягы, и побѣди Ятвягы, и взя землю ихъ. И иде Киеву, и творяще требу кумиромъ съ людьми своими“. (Лѣтопись по Лавр. сп., стр. 80).

³⁾ „Поляня бяхужъ погани, жруще озеромъ и колодеземъ и рощениемъ, яко прочіи поганіи“. (Лѣтопись по Соф. сп., стр. 4. Сводн. Лѣтопись, стр. 7). Даже въ Уставѣ В. Кн. Всеволода о церковныхъ судѣхъ упоминается еще „моленіе подъ овиномъ, или въ рощени или у воды“. (Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. I, С.-Пб., 1889, стр. 228).

⁴⁾ Въ древнемъ еврейскомъ правѣ существовало такое положеніе: Обличеннаго въ похищеніи заклятаго пусть сожгутъ огнемъ, его и все, что у него, т. е. сыновей, дочерей, воловъ, ословъ и т. д. Смертная казнь чрезъ сожженіе дополнялась еще побитіемъ камнями. (Книга Исуса Навина, гл. 6 и 7). Такой взглядъ еврейскаго права объясняется его теократическимъ направленіемъ. По своему внутреннему характеру все еврейское законодательство является вполнѣ тео-

Только съ принятіемъ христіанства появились на Руси храмы, которые стали хранилищемъ священныхъ и освященныхъ предметовъ, — явилась, слѣдовательно, и возможность развитія святотатства. Тѣмъ не менѣ Русская Правда, этотъ древнѣйшій памятникъ нашего свѣтскаго законодательства, не упоминаетъ особо о святотатствѣ и не выдѣляетъ татбы церковной изъ понятія татбы вообще. Это объясняется тѣмъ, что уже со времени Владиміра Святаго это преступленіе подлежало исключительно духовному суду. Уставъ Владиміра о церковныхъ судахъ и Уставъ Всеволода категорически закрѣпляютъ неограниченную юрис-

кратическимъ. (Лопухинъ, законодательство Моисея, С.-Пб., 1882, стр. 7).

Въ древней Греціи по свидѣтельству Ксенофонта (Исторія Греціи, I, 7) святотатцы (*ἱεροβλοῖ*) подлежали наказанію, установленному для государственныхъ измѣнниковъ. За похищеніе священныхъ предметовъ (*ἱερῶν χρημάτων*) виновные подвергались смертной казни; трупы ихъ погребались внѣ отечества; а имущество ихъ подлежало конфискаціи въ пользу казны. (Thonissen, *le droit pénal de la république athénienne*, Bruxelles-Paris, 1875, стр. 182, 303, 306).

Въ римскомъ правѣ святотатство опредѣлялось слѣдующимъ образомъ: *Sunt autem sacrilegi, qui publica sacra compilaverunt* (l. 9 § 1 Dig. 48, 13). По закону Севера и Антонина, похитившія изъ храма *res privatorum* преслѣдовались за *furtum*, а не за *sacrilegium* (l. 5 Dig. 48, 13). Въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ святотатство влекло, вѣроятно, *sacratio capitis* (Rein, *das Criminalrecht der Römer*, Leipzig, 1844, стр. 962). Законъ Юлія установилъ за него то-же наказаніе, какъ и за *peculatus*, т. е. *aquae et ignis interdictio*, впоследствии уступившее мѣсто депортаціи (l. 1, 3, 4 Dig. 48, 13). Въ Императорскій періодъ святотатцы подвергались сожженію, повѣшенію, растерзанію звѣрей, рудниковымъ работамъ и депортаціи (l. 6, 9 Dig. 48, 13).

Въ древнемъ германскомъ правѣ похищеніе вещей, посвященныхъ богамъ или принадлежащихъ къ культу вообще, считалось тяжкимъ злодѣяніемъ, за которое преступникъ, послѣ жестокаго изувѣченія, долженъ былъ быть принесенъ въ жертву богамъ. (Wilda, *das Strafrecht der Germanen*, Halle, 1842, стр. 881). *Qui fanum effregerit, et ibi aliquid de sacris tulerit, ducitur ad mare, et ibi in sabulo, quod accessus maris operire solet, finduntur aures ejus, et castratur, et immolatur Diis, quorum templa violavit.* (Lex Frisiorum, Add. III, tit 12).

дикцію церкви по дѣламъ о святотатствѣ, которыя становятся, такимъ образомъ, привилегією духовенства. Но Церковные Уставы нашихъ князей видятъ въ святотатствѣ не только религиозное преступленіе, не только посягательство противъ вѣры, но, судя по терминологіи, и особый квалифицированный видъ имущественныхъ преступленій, посягательство на имущество церкви. Церковные Уставы не знаютъ еще „святотатства“; они знаютъ лишь „церковную, татьбу“. Святотатство имѣло, слѣдовательно, здѣсь, повидимому, совершенно правильное значеніе свято-татьбы. На ряду съ церковными татями стоятъ здѣсь тѣ, которые мертвецы волочатъ и крестъ посябуютъ. Но и въ этихъ преступленіяхъ Церковные Уставы видѣли не исключительно преступленіе противъ религіи, но также преступленіе противъ имущества: кражу съ мертвыхъ (ограбленіе мертвыхъ тѣлъ) и поврежденіе креста (поврежденіе могилъ) ¹⁾.

Древнія славянскія начала еще были настолькоъ крѣпки, что князья должны были съ ними считаться. У русскихъ славянъ основой преступленія считался вредъ имущественный или личный. Понятіе вреда у русскихъ славянъ почти вовсе исключало понятіе грѣха, которое имѣло опредѣленное значеніе у славянъ прибалтійскихъ, моравскихъ и литовскихъ. Поэтому и на святотатство древняя Русь смотрѣла главнымъ образомъ съ точки зрѣнія его вредоносности, а не съ точки зрѣнія его грѣховности. Грѣховность являлась лишь причиною выдѣленія святотатства изъ вѣдѣнія свѣтской власти въ вѣдѣніе церковной власти. Но какъ относилась къ этому преступленію церковь, какими законами руководствовалась? Духовенство, явившееся отъ Византіи, не могло не руководствоваться правомъ Византійскимъ. Прохиронъ и Эклога, вѣроятно служили для церковнаго суда главными сборниками и матеріальнаго и процессуальнаго права. По дѣламъ, выдѣленнымъ Владиміромъ въ вѣдомство церковныхъ судовъ, послѣдніе были безусловно самостоятельны. Судъ, по большей части этихъ дѣлъ, былъ отдѣленъ на церковь, согласно съ Греческимъ Номоканономъ. Но даже и въ дѣлахъ, подлежавшихъ свѣтскому суду, церковныя власти принимали участіе, пояняя

¹⁾ Ср. Чебышевъ-Дмитріевъ, о преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву, Казань, 1862, стр. 102.

то или другое дѣло въ духѣ христіанскаго ученія: Въ уставѣ Владиміра сказано такъ: „А тиуномъ своимъ приказываю суда церковнаго не обидити, ни судити безъ владычня намѣстника“¹⁾. Въ такихъ случаяхъ наказаніе налагалось по свѣтскимъ законамъ, т. е. по Русской Правдѣ, что въ Уставѣ Ярослава выражено формулою „а князь казнить“, а въ пользу духовной власти поступалъ особый штрафъ²⁾. Относительно дѣлъ, составлявшихъ привилегію духовенства, въ пространной редакціи Устава Владиміра Святаго прямо говорится: „разверзѣше грецьскый номоканонъ и обрѣтохомъ в немъ, оже сихъ судовъ не подобно судити князю“. Изъ этого одного уже явствуетъ, что съ выдѣленіемъ церковной татбы, на основаніи Номоканона, въ вѣдѣніе духовнаго суда, она должна была влечь и наказанія, установленныя въ Номоканонѣ. Номоканонъ-же смотрѣлъ на святотатство, какъ на преступленіе противъ религіи. Таковъ былъ взглядъ Византійскаго права. Такъ должны были относиться къ нему и духовныя власти, примѣнители Византійскаго права на Руси.

По Церковному Уставу Владиміра Святаго юрисдикція церкви была весьма обширна: „роспустъ, смильное, заставанье, пошибенье промежу мужемъ и женою о животѣ, въ племени или сватовствѣ поймутся, вѣдѣство, зелійничество, уреканье три: бляднею и зелди и еретичествомъ, зубояжа, отца или матеръ бьетъ сынъ или дчи, братни ти дѣти тяжутся

1) Бѣляевъ, лекціи по исторіи русскаго законодательства, Москва, 1879, стр. 207.

2) Колачовъ предлагаетъ однако другое объясненіе выраженія „князь казнить“. Слово „князь казнить“, замѣчаетъ онъ, въ статьяхъ 2, 22 и 10 не означаетъ исключительно казнь въ настоящемъ ея значеніи, но преимущественно денежное вознагражденіе. (Калачовъ, предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, С.-Пб. 1880, стр. 256). Правильнѣе въ этомъ отношеніи объясненіе профессора Владимірскаго-Буданова: Прибавка „а князь казнить“ или „да казнятъ его волостельскою казнію“ (ст. 29) указываетъ на то, что дѣнія, караемыя княземъ, считаются не только грѣхомъ, но и преступленіемъ предъ обществомъ; церковной власти по такимъ дѣламъ принадлежать денежные штрафы, гражданской власти право уголовной кары. (Владимірскаго-Будановъ, христоматія, вып. I, стр. 216 и слѣд.).

о задницѣ, церковная татьба, мертвецы волочатъ, крестъ посѣкутъ, или на стѣнахъ рѣжутъ, скоты или псы и поткы безъ велики нужы ввести, или что неподобно въ церкви подѣтъ; тѣ вся суды церкви даны суть“.

Уставъ о церковныхъ судахъ Князя Ярослава Владиміровича, который „далъ митрополитомъ и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ номоканонѣ“, не упоминаетъ приведеннаго положенія. Но, если признавать подлинность Церковнаго Устава Владиміра Святаго, это обозначаетъ лишь то, что Ярославъ не находилъ нужнымъ отмѣнять или измѣнять привилегій, данныхъ духовенству его отцемъ, а находилъ полезнымъ еще болѣе развить и дополнить ихъ.

Уставъ Великаго Князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о людехъ и мѣрилѣхъ торговыхъ почти дословно повторяетъ начала Владимірова Устава: „А се суды церковные: распуски, смилное, заставаніе, умычка, пошибалное промежу мужемъ и женою о животѣ; въ племени или въ статъветвѣ поймутся, потворы и чародѣянія, волхвованіе, вѣдство, зелейництво, зубояжа, уреканія три: бляднею, зелія, еретичство, отца или матери бьетъ сынъ или дщи, или сноха свекровь; братія или дѣти тяжутся о задници; церковная татба; мертвечи съвлачаютъ, крестъ посѣкають, или на стѣнахъ рѣжутъ и т. д.“.

Церковная татьба, въ смыслѣ Церковныхъ Уставовъ, есть татьба изъ церкви въ самомъ широкомъ объемѣ. Церковь сама опредѣляла подсудность такихъ дѣлъ и, вѣроятно, не отказывалась отъ расширения своей юрисдикціи. Поэтому, вѣроятно, церковною татьбою она считала кражу всякаго, а не только священнаго, освященнаго или церковнаго, имущества изъ церкви. Свѣтская-же власть, вѣроятно, не входила въ пререканіе съ церковью по подобнымъ вопросамъ: „А князю, и болярюмъ и судіямъ въ тья суды не вступатися“. Святотатство при такихъ условіяхъ могло получить весьма широкій объемъ, въ духѣ Византійскаго права.

Подъ лицами, кои мертвецовъ совлачаютъ и кресты посѣкають, разумѣлись тѣ, которые снимали съ мертвыхъ одежду или что иное, и срубали или повреждали кресты на могилахъ¹⁾. Первый поступокъ

¹⁾ Владимірскій-Будановъ, христоматія, вып. I, стр. 213, примѣч. 7 и 8.

ближе всего стоит къ святотатству. Похищеніе съ мертвого такъ-же, какъ и похищеніе изъ церкви, прежде всего представлялось дѣяніемъ вредоноснымъ, дѣяніемъ наносящимъ ущербъ (родственникамъ умершаго), татьбою. Съ другой стороны въ силу особаго почитанія умершихъ, носившаго и у древнихъ славянъ полурелигіозный характеръ, дѣяніе это представлялось дѣяніемъ грѣховнымъ, какъ-бы свято-татьбою. Въ памятникахъ Византійскаго права, коими руководствовались наши іерархи, гробные тати также стоятъ всегда на ряду съ татями церковными ¹⁾.

ОТДѢЛЪ II.

Псковская Судная Грамота. Судебники. Соборное Уложеніе.

Первымъ памятникомъ русскаго свѣтскаго законодательства, упоминающимъ о святотатствѣ, является Псковская Судная Грамота. Храмы т. е. церковные тати поставлены здѣсь на ряду съ важнѣйшими преступниками: коновыми татями, перевѣтниками и зажигальниками. Конокрады и поджигатели еще со временъ Русской Правды считались важнѣйшими преступниками и подлежали въ то время потоку и разграбленію ²⁾. Перевѣтники, т. е. тайные передатчики вѣстей ³⁾, государственные измѣнники ⁴⁾, само собою разумѣется, представляли величайшую опасность для гражданской жизни. Храмы тати посягали на имущество церкви и на священные предметы религіознаго почитанія вѣрующихъ. Всѣмъ имъ Псковская Судная Грамота предписываетъ живота не дати.

А храмскому (кримскому, кромскому) татю и коновому, и перевѣтнику, и зажигальнику, тѣмъ живота не дати ⁵⁾.

¹⁾ Калачовъ, о значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права, Москва, 1850 стр. 104, 105.

²⁾ Русская Правда, Карамз. сп., ст. 31, 37.

³⁾ Устряловъ, изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты, С.-Пб., 1855, стр. 124.

⁴⁾ Владимірскій-Будановъ, хрестоматія, выш. I, стр. 134, примѣч. 21.

⁵⁾ Пск. Судн. Гр., ст. 7.

Останавливаясь въ частности на понятіи храмскихъ татей, мы встрѣчаемъ полное разногласіе въ переводѣ и толкованіи этого понятія. Устряловъ ¹⁾ видитъ въ нихъ комнатныхъ воровъ; Энгельманъ ²⁾ — воровъ на кромѣ, на кремль, воровъ казеннаго имущества; Соловьевъ ³⁾ предполагаетъ, что кромской имѣеть значеніе торговаго. Такое различіе происходитъ отъ различнаго чтенія приведенной статьи. Устряловъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду „храмскихъ“ татей, но производилъ опредѣленіе храмской отъ слова „хоромы“ т. е. комнаты. Энгельманъ имѣлъ въ виду „кромскихъ“ татей, производя это опредѣленіе отъ слова „кромъ“, кремль. Соловьевъ, придерживаясь той-же редакціи и сравнивая статью 7 и статью 8 Псковской Судной Грамоты, говоритъ: „Что здѣсь татьба на посадѣ противополгается татьбѣ на Кромѣ, въ Кромномъ городкѣ, это ясно; но почему такое различіе? Не употреблено-ли здѣсь слово: Кромскій въ значеніи торговаго, если торгъ находился въ Кромѣ, въ Кромномъ городкѣ“. Правильнѣе видѣть здѣсь не комнатнаго, не кромскаго и не торговаго вора, а вора церковнаго. Еще Мурзакевичъ ⁴⁾, основываясь на припискѣ въ рукописи слова „храмскому“, усматривалъ здѣсь вора церковнаго, производя опредѣленіе храмской отъ слова „храмина“, т. е. сокровищница церковная. Это подтверждается, по справедливому замѣчанію профессора Владимірскаго-Буданова ⁵⁾, и параллельнымъ мѣстомъ Судебниковъ. Профессоръ Бѣляевъ ⁶⁾ также замѣчаетъ, что въ Псковской Судной Грамотѣ рѣзко отличены отъ простыхъ татей церковные тати. Профессоръ Загоскинъ ⁷⁾

¹⁾ Устряловъ, изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты, стр. 124.

²⁾ Энгельманъ, гражданскіе законы Псковской Судной Грамоты, С.-Пб., 1855, стр. 78.

³⁾ Соловьевъ, исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, томъ IV, Москва, 1871, стр. 426, примѣч. 614.

⁴⁾ Мурзакевичъ, Псковская Судная Грамота, Одесса, 1847, стр. 2; 1868, стр. 2, пояснительный словарь, стр. 12.

⁵⁾ Владимірскаго-Будановъ, христоматія, вып. I, стр. 134, примѣч. 21.

⁶⁾ Бѣляевъ, лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 350.

⁷⁾ Загоскинъ, очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, Казань. 1892, стр. 31.

равнымъ образомъ видятъ въ храмской татьбѣ святотатственную кражу изъ церкви. Такое толкованіе надо считать вполне естественнымъ и единственно правильнымъ. Переводъ Устрялова не выдерживаетъ никакой критики. Переводъ Соловьева черезъ-чуръ искусственъ и предположителенъ. Переводъ-же Энгельмана, котораго придерживается и Сокольскій ¹⁾, нельзя принять по слѣдующимъ соображеніямъ. Статья 7 Псковской Судной Грамоты указываетъ храмскому (кримскому) татию живота не дати. Статья-же 8 противопоставляетъ ему вора на посадѣ и называетъ послѣднаго кромскимъ татемъ: Что бы и на посадѣ покрадется, шно двояды е пожаловати, а изличивъ казнити по его винѣ; и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати, (крам) кромъскому татию. Такимъ образомъ мы видимъ, что храмскіе (кримскіе) тати подлежали смертной казни безусловно; кромскіе-же тати, т. е. воры на посадѣ, подлежали смертной казни лишь при второмъ рецидивѣ ²⁾. Такое серьезное различіе ясно свидѣтельствуетъ, что понятіе храмскаго (кримскаго) татя не тождественно съ понятіемъ татя кромскаго. Что Псковская Судная Грамота обращаетъ уже вниманіе на особое значеніе церковной кражи, выдѣляя ее изъ другихъ видовъ татьбы, — это наглядно доказывается статьею 35: Кто изъ церкви, гдѣ татба оучинилась, такоужъ и пригорожанѣ, или селянинѣ псковитинѣ на пригородѣ, или на торгу не звати, вести ему къ ротѣ псковитину, гдѣ татба учинилась. Здѣсь кража изъ церкви (храмская татьба) стоитъ на ряду съ кражею на пригородѣ, на торгу (кромская татьба), т. е. совершенно такъ-же, какъ и въ приведенныхъ выше статьяхъ, гдѣ кража изъ церкви противопоставляется кражѣ на посадѣ. Разногласіе-же въ переводѣ объясняется неточностію рукописи. Почти вся строка рукописи въ этомъ мѣстѣ испорчена и вызвала рядъ поправокъ „справщика“ (корректора). Именно, первоначально писецъ, „переводившій“ (копировавшій) грамоту, написалъ такъ: „кри^ккому татию и нево му“. Послѣднее слово

¹⁾ Sokolsky, Beitrag zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der Ulozenie des Zaaren Alexei Michailowitsch, Dorpat, 1868, стр. 99: die кромская татьба d. h. die Entwendung der in der pleskauschen Festung aufbewahrten Kronssachen.

²⁾ Почти такъ-же относились къ кражѣ и Судебники. Судебникъ Великокняжескій. ст. 9, 10, 11. Судебникъ Царскій, ст. 61, 55, 56.